

Хроники Атриума

Šanteri Karja

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Šanteri Karja

Хроники Атриума

«Автор»

2026

Karja Š.

Хроники Атриума / Š. Karja — «Автор», 2026

Я всего лишь простой летописец. Обычный человек. Одно явившееся знамение в хрустальном шаре навсегда изменило мою судьбу. Рождение ребёнка из пророчества. Того, кто может изменить мир — или разрушить его. Хранители отправили меня на его поиски. Я и не думал, что мир за стенами Храмовых островов лишит меня всего: друзей, веры в себя и даже моего лица. Теперь за мной охотится Инквизиция, а внутри меня живёт демон Ксараэн — древнее существо, которое тоже ищет свободу. Моя новая семья — подполье «Чёрная роза», борющееся с тиранией Империи. Но смогу ли я защитить ребёнка, когда мой собственный разум больше не принадлежит мне? Я всего лишь простой летописец. Смогу ли я остаться собой, когда мир требует, чтобы я стал чудовищем?

© Karja Š., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава I: Реалии жестокого мира.	7
Пролог	7
Пророчество	7
Глава 1	16
Слишком разные.	16
Глава 3	22
Груз прошлого	22
Глава 4	28
Пламя и предательство толпы	29
Глава 2	34
Океан Душегуба	34

Šanteri Karja

Хроники Атриума

Пролог

Глава I: Реалии жестокого мира.

Пролог

Пророчество

Имя моё – Фабиан. Уже тридцать лет я числюсь на службе в Храмовых островах. Сегодня был двадцать третий день месяца лугового цвета, времени полного солнцестояния, 1125 год. Я всё фиксирую дотошно — привычка летописца, от неё не избавиться.

Утро началось обыденно: проснулся, умылся, позавтракал в общем зале. Вроде бы ничего особенного — обычный порядок вещей.

После трапезы все разошлись по своим занятиям: кто-то учил ремёслам, кто-то засел над зельями, а я же вернулся к своей летописи. Всё шло так, как должно было идти — размеренно, без неожиданных поворотов.

Я работал с хрустальным шаром, именуемый Оком Ветра. Артефакт редчайший, настоящий шедевр Храмовых островов.

До сих пор не понимаю, как старейшине Вунду удалось создать такое. Скажу честно: взгляд в его глубины — всё равно что заглядывать в ткани мироздания. Там отражалось всё: всплески искр магии, чужие козни, странные происшествия в самых отдалённых уголках доступного мира. А мне, как летописцу, нужно было просто смотреть и записывать всё происходящее.

В последние годы мои записи оказывались скудными: имперский двор и любовные интриги вокруг него, крестьянские стычки, стражи на службе империи. Простейшие сюжеты. К сожалению, к более интересной информации доступа не было. Имперские маги хорошо охраняли секреты императора.

Я почти задремал над очередной строкой, когда шар вспыхнул синим светом — ярко, как пылающий огонь в нашем кабинете. Я прищурился от света. В кабинете раздался треск.

Вздвигнув, я вскочил из-за стола и отступил на пару шагов. Но писчее любопытство, как всегда, победило. Осторожно вернувшись, заглянул во внутрь — и едва не поперхнулся воздухом.

Дитя. Я видел рождение ребёнка. Именно рождение, без всяких прикрас. И не где-нибудь, а в деревне у Великой стены Эдо, той самой, что отделяет людей от таинственной долины. Место называлось просто и без затей — Приграничье Эдо.

Передо мной предстала молодая девушка. Разглядеть её не успел, как изображение резко переключилось на людей, что стояли за дверью и обсуждали её. Кто-то даже заключал пари на то, кто может быть отцом ее ребенка. Одни утверждали, что кто-то из местных, другие — что сам Император. А учитывая, что около девяти месяцев назад Авенсис Кларкс останавливался в той самой деревне и всегда слишком пристально смотрел на женщин необычной красоты...

Сфера вернулась к девушке. Теперь я смог её рассмотреть. Уставшей после тяжёлых родов, она оставалась прекрасной: ледяной взгляд голубых глаз... И это в сочетании с солнечными веснушками и бесконечно теплой улыбкой.

Я понимаю — грехи людей различны, но сочетание «не от мира сего» и невероятной красоты редко приносит владельцу добро. Красота казалась не только даром, но и проклятием.

Трогать артефакты без разрешения старейшины Вунда — запрещено. Но неведомая сила тянула меня к шару, словно сама судьба подталкивала. Я не мог совладать с желанием —

ладонь сама легла на гладкую поверхность. Лёгкое тепло пробежало по пальцам, и веки тяжело сомкнулись. В этот миг я будто оказался рядом с ней: живой, дышащей, в её глазах.

— Мариэль... — прозвучало в сознании женским голосом.

Я вздрогнул и резко отдернул руку, будто обжёгшись.

Но мысли не отпускали. Если то, что я видел, правда — Император Авенсис Кларкс действительно мог поддаться её чарам. Как устоять перед такой женщиной, если даже храмовник пал, лишь взглянув на её мираж? Я нарушил запрет Вунда, но это ничто по сравнению с тем, что отражалось в шаре.

Если ребёнок и вправду сын Авенсиса, то кто знает, что может в дальнейшем случиться с Империей. Хаос, разруха, дворцовые интриги, борьба за трон, междоусобицы. И не только враги Кларкса, но и его союзники будут охотиться за ребёнком. Искра скандала способна разжечь пламя войны, охватившее весь мир.

Обычно за это время я успеваю записать десяток страниц, но тут... рука просто зависла над пером. Я поморщился. С одной стороны, наблюдать, как история готовится к повороту, было... захватывающе. Но с другой — понимание того, сколько бессмысленной крови это принесёт, вызывало отвращение.

Вздыхнув, я заметил, что опять отвлёкся на собственные рассуждения, и снова уставился в шар. Я смотрел не отрываясь. Моё любопытство не давало отойти ни на шаг.

Несколько ночей подряд я не позволял себе по-настоящему уснуть — только короткие дремоты и перекусы из припасов: пара бутербродов, яблоко. Всё это время смотрел в сферу, стараясь ничего не упустить.

Мариэль уже дала сыну имя, Шантери — в честь лесных духов, по легендам обитающих за стенами долины Эдо. Она жила в нищете, и её лицо ясно говорило: сил и средств растить ребёнка у неё нет. Любовь к сыну боролась с отчаянием, но разум шептал суровую правду: рядом с ней он не выживет.

И вот, тогда она решилась.

Но только на словах. В течении дня я видел, как она, то прижимала малыша к груди, шептала ему колыбельные и смеялась сквозь слёзы, то внезапно замолкала, стискивала губы и долго сидела, глядя в одну точку. Несколько раз вставала, будто уже собираясь уходить навсегда, но возвращалась, не в силах оторваться от сына.

И мир будто подкинул ей выход. В деревне в этот день остановились странники. Не простые, а те, кого люди называют героями. Первые, кто встретился Мариэль после родов. Она попробовала заговорить с ними, и один из них, смеясь, заплатил ей за горстью сухих трав куда больше, чем они стоили. Другой дал кусок хлеба. Для них это был пустяк, но для неё — всё.

Вечером, когда они сидели в таверне, смеясь и делясь байками о подвигах за кружками местного эля, Мариэль уже готовилась к самому тяжёлому шагу. Она завернула кроху в тёплый плед — единственное, что у неё осталось. Мальчик спал спокойно, не подозревая, что мать собирается оставить его.

«Наверное, она решила, что герои смогут вырастить сильным и честным, как и они сами. Матери всегда хотят для детей самого лучшего...»

Ночь накрыла деревню. Я видел, как Мариэль, крадучись, подошла к повозке. Герои уже были пьяны и громко смеялись, так что никто её не заметил.

Слёзы застилали ей глаза. На лице виднелось смятение. Любовь или жизнь. Но она все же решилась на самый трудный выбор в её жизни.

Она осторожно уложила младенца в мешок с одеялами в багажном отсеке. Кроха не пискнул — спал так крепко, будто сама магия убаюкивала его.

— Прости меня, Шантери... — прошептала она.

Я затаил дыхание.

Она поцеловала сына в лоб, вложила в его кулачок амулет, сплетённый своими руками. И, отвернувшись, шагнула в темноту. Силуэт её растворился во мраке. В груди у меня заныло, будто и я сам только что лишился частички своей души.

Шар снова сфокусировался на лице младенца и застыл. Минуты тянулись бесконечно.

Я попытался размять затёкшие ноги, но внутри грызло другое. Наблюдая за Мариэль и её ребенком, я не записал ни единой строчки. Как летописцу это было не позволено.

— Эй... есть здесь кто? — глухо вырвалось у меня, и в ответ отозвалось лишь собственное эхо. Видимо, все уже крепко спали.

Я снова сел, уронил голову на руки. Усталость навалилась разом, будто все дни наблюдения догнали меня в одну секунду. Уйти было нельзя, спать — тоже.

Шар продолжал мерцать. А значит, всё только начиналось. Что-то грядёт, и я не имел права упустить ни мгновения. Я схватил перо, пододвинув чернила ближе, и начал по памяти записывать в храмовой книге всё то, что показало мне Око Ветра. В какой-то момент, я не заметил, как уснул.

Первые лучи солнца коснулись артефакта, и он ожил вновь. Свет ударил мне в лицо — я рывком проснулся. Щека затекла: на коже остались засохшие пятна чернил. Схватив перо, я поспешил писать дальше.

Путешественники уже покинули деревню.

«Странно, что они до сих пор не заметили ребёнка. Обычно такое обнаруживают с первых секунд, а тут...»

Их повозка докатилась до Великих ворот Империи. Поставым они предъявили грамоту гильдии приключений, и тяжёлые створы с гулом пошли в сторону.

В тот миг, когда повозка пересекла границу, мир изменился. Каждый ощутил невидимое давление — будто само небо, электризуясь, опустилось на плечи. Волосы зашевелились сами собой, воздух загудел напряжением, и казалось, что за воротами начинается нечто иное.

Неосознанно я охватил сферу обеими руками. Она светилась мягким серебром, тянула из меня не только силы, но и самые сокровенные мысли. Я всматривался, стараясь уловить малейшую деталь.

Оставив повозку у стен, герои взвалили на плечи баулы с припасами и направились к Разлому Эдо. Никто из них так и не заметил, что в одном из мешков, между тканями и вещами, спал новорождённый мальчик. Чудо — дети обычно кричат, требуют тепла и пищи, но Шан-тери лежал тихо.

Долина Эдо встретила их странным спокойствием. Никаких чудовищ, никакой опасности — лишь искрящиеся разряды в воздухе. Десять часов пути тянулись мучительно медленно, и столько же я наблюдал за этим... и ничего. Абсолютно ничего.

Я чуть ли не завыл от отчаяния. Разве Око Ветра могло показывать лишь пустоту? Не для этого его создавали, не для этого я жёг глаза и мысли, вглядываясь в глубины магии.

И как раз в этот момент, когда группа приблизилась к зияющей трещине, землю потряс раскатыстый гул — словно боги явились на землю. Вспышка, ярче молнии, разорвала небо и на миг ослепила всех, включая меня.

Я не выдержал. Поток магии хлынул в меня слишком мощно. Вскрикнул, но звук утонул в треске и хлопке — сфера с ошеломительной скоростью разлетелась на маленькие кусочки. Что-то острое полоснуло по лицу, горячая кровь стекала по щеке. Силы куда-то ушли. Боль пронзила глаза, и всё вокруг исчезло.

Когда зрение вернулось, я, шатаясь, стоял среди осколков. Сияние ушло, осталась лишь одна стеклянная пыль.

«Вунд меня убьёт!» — первая мысль зазвенела в голове. Или это было эхо хлопка? Голова кружилась, а в груди жгло чувство вины.

«Око Ветра было единственным в своём роде — неповторимым творением, которому не было равных и, скорее всего, уже никогда не будет. Десятки лет труда он вложил в него. А я всё уничтожил!»

«Ну зачем я взял в руки эту сферу?» — руки дрожали, хотелось закричать или разрыдаться. — «Знал же, что трогать нельзя. И как теперь Вунду смотреть в глаза?»

Я стоял в ступоре, потерянный и жалкий. Мысли крутились вокруг одного: это моя вина. Я сломал не просто вещь — я прервал чью-то историю. Возможно, как раз в этот миг должно было произойти самое важное, а я вмешался.

— Ребёнок! — вдруг вырвалось у меня. Может, если расскажу, что видел, наказание не будет столь жестоким. Да и молчать уже нельзя.

Не прошло и нескольких секунд, как у входа уже толпились храмовники. Я тихо застонал про себя: конечно, они появились в ту же минуту... а когда нужны, как всегда, не дозовёшься.

Сдерживая раздражение, я протиснулся сквозь толпу и вырвался наружу. Коридор качнулся, я едва не врезался в стену. Колени дрожали, дыхание сбивалось. В ушах всё ещё звенело, и каждый шаг отдавался болью в висках.

Но останавливаться было нельзя.

Коридоры Башни Знаний тянулись бесконечно, словно сами каменные стены не желали отпускать посетителя. Свет факелов плясал по старым плитам, растягивая тени в причудливые силуэты, будто намеренно стараясь сбить меня с пути. По стенам тянулись полки с пергаменами и свитками, узкие ниши хранили древние рукописи, книги, в которых каждое слово дышало столетиями знаний.

Я шёл быстрее, сжимая зубы. Пахло пылью и воском, смешанным с едва уловимым ароматом древних трав, хранившихся здесь в сосуде для алхимических опытов. В воздухе витала тихая вибрация — шёпот страниц, будто сама Башня пыталась разговаривать со мной.

Лестницы крутились, коридоры пересекались, и я терял счёт времени. Высокие арки нависали над головой, поддерживаемые колоннами, вырезанными с филигранной точностью, украшенные рунами и символами, смысл которых я едва понимал. Казалось, сам воздух здесь пропитан памятью веков — каждое эхо моих шагов отдавало отголоском древних знаний.

И я понимал, что это лишь один из немногих замков, расположенных на разных храмовых островах. Каждый из них хранил свои секреты, свои легенды и испытания. Башня Знаний же была главным, её стены впитывали мудрость всех остальных, словно пульсирующее сердце храмовой империи.

И чем дальше я шёл, тем сильнее ощущал: Башня не просто хранит знания. Она их живёт. Но сейчас не время снова восторгаться окружением. Вунд.

«Хоть бы у него было хорошее настроение...»

Я ворвался в кабинет старейшины Вунда, едва не распахнув дверь с грохотом. Комната утопала в запахе старой бумаги и воска. За массивным столом, заваленным свитками и книгами, сидел он. Глаза Вунда — спокойные, глубокие, как тёмное озеро, — медленно поднялись на меня.

— Ты бледен, Фабиан, — произнёс он ровно, будто не удивившись. — Сядь. Отдышись.

Но я не мог сесть. Слишком сильным было напряжение, слишком ярким — видение, что до сих пор стояло перед глазами.

— Шар разбился... — выдохнул я. — Император... ребёнок... Долина Эдо...

Слова застряли. Я осёкся, будто сам испугался их.

Пальцы Вунда сжали подлокотник кресла так, что дерево жалобно скрипнуло.

— Ты разбил сферу? — его голос был холоден, как лёд.

Я вздрогнул. Вот он, гнев, которого я ждал. Любое оправдание всё равно бы не помогло. Но вдруг его взгляд изменился: вместо ярости в глазах вспыхнула искра, тревожная и новая.

— Ребёнок?... — он произнёс почти шёпотом. — Ты уверен?

— Да! — сорвалось у меня слишком быстро. Я затаил дыхание, надеясь, что эта весть смягчит вину за разбитый шар.

Вунд застыл. Затем резко поднялся со своего кресла, прошёл к архиву и лихорадочно стал перебирать книги. Том за томом вылетали из его рук, страницы шуршали. Он что-то бормотал, но слов я не разобрал.

Наконец, пальцы остановились на одном тяжёлом фолианте. Глаза старейшины сверкнули. С почти детским восторгом он положил том на стол и раскрыл его.

— Смотри, Фабиан, — голос его дрожал, но не от старости, а от волнения. — Это пророчество писали ещё прежние хранители.

Он торопливо перелистывал страницы, пока не остановился на одной, помеченной странным символом.

— Вот оно, — произнёс он, смакуя каждое слово.

— А как же... Око Ветра? — выдавил я. Сердце сжималось от мысли о наказании.

— Сейчас это не важно, — отрезал Вунд, даже не взглянув на меня. — Слушай.

Он начал читать. Голос его звучал твёрдо, каждая строчка отдавала эхом в стенах кабинета, будто сама Башня внимала древней легенде.

«Да во свете возгорится долина Эдо,

И возгремит колесница богов,

По всем континентам разнесётся эхо,

И чародейство восстанет из праха веков.

Дитя придёт из мира иного,

Богам судьбы возложено многое:

Мир он изменит — но всех гложет тревога,

Добром ли он мир возжелает обернуть,

Иль кровью и слезами проложен его путь.

Крови, духов и волшебства сплетение

В нём обретёт фортуны единение;

Из глубин древних сказаний и преданий

Легенда восстанет,

Да возвестит нам о том, что грядёт.

Храмовник в древности, имя чьё

На стенах соборов начертано,

Историю сию поведал:

«О потомки, коль узрите дитя сие,

Ведите, наставляйте, храните его.

Ибо тайною мрака покрыто проречье,

Но сбудется оно —

И мир изменится в мгновенье.

Поспешите же защитить младенца,

Посланного богами во спасение!»

675 год. Храмовник Дюплон»

Слова звучали так величественно, что я невольно сделал шаг назад.

Вунд оторвал взгляд от книги и посмотрел прямо на меня. Его глаза блестели странным светом, как у человека, который внезапно увидел смысл во всей своей жизни.

— Ты понимаешь, Фабиан? — его голос дрожал. — Это не случайность. Не ошибка. Это начало.

Я сглотнул.

— Дитя, быть может рождённое от крови Императора, станет узлом, вокруг которого завьются судьбы мира. И ты, Фабиан, — Вунд пристально на меня посмотрел. — Похоже стал частью этой истории.

Он захлопнул книгу с таким грохотом, что в кабинете дрогнули свечи. Кровь застыла в жилах. Тело покрыли холодные мурашки.

«Кровь и духи? Что, если ребёнок связан не только с людьми? И что это всё значит?»

Пока я пытался переварить то, что только узнал, Вунд уже позвал какого-то храмовника и приказал созвать Совет старейшин. Их было пятеро — и за всю мою жизнь они никогда не собирались вместе. Даже о слухах о подобном я не слышал: каждый из них жил почти как легенда, и теперь все пятеро ждали лишь нас, в самой верхней комнате, за массивным круглым столом.

Я стоял у двери, как страж на плацу. Там, где меня оставил Вунд. Сначала мне казалось, что я слышу стук своего сердца громче, чем шаги людей в коридоре. Пальцами я снова и снова вырисовывал на ладони фразу: «Знание есть сила». Словно это могло удержать меня от того, чтобы дрогнуть или сбежать.

Дверь была тяжёлой, дубовой, с коваными петлями, и от одного вида её меня прошиб холодный пот. Там, за ней, собрались те, перед кем склоняли головы даже старшие храмовники. Те, чьи решения меняли судьбы, ломали жизни, открывали или закрывали пути к новым знаниям.

Я ждал. Каждая секунда казалась часом. Шорох одежды, удаляющиеся шаги, отдалённый звон колокола снизу. Всё казалось слишком громким в этой тишине. Мысли сжимали виски:

«Что я скажу? Что они спросят? И почему именно я должен туда войти?»

Сквозь щель под дверью тянуло холодом. Я поёжился.

— Заходи, Фабиан.

Я вздрогнул, услышав хрипловатый, но уверенный голос Вунда.

Зашёл. Встал у двери, не решаясь заходить дальше.

— Почтение... — хотел сказать громко, а получилось тихо, да ещё и голос предательски дрогнул. Остальное и вовсе растворилось в бормотании.

И вдруг вспомнилось — как Вунд, ещё будучи простым храмовником, отчитывал меня за испорченную рукопись: я пролил чернила на очень важный текст. Тогда казалось, что нет ничего страшнее. Сейчас — ничуть не легче. Глаза метались с одного лица на другое, и только голос Вунда, теперь уже старейшины, но с той самой железной интонацией наставника, вернул меня в реальность:

— Расскажи, что ты увидел в Око Ветра.

Голос дрожал, но я всё же рассказал. Всё, как было: рождение ребёнка, Мариэль, её колебания и слёзы, как разлетелся хрустальный шар, и про пророчество.

Когда закончил, четверо сидели неподвижно. Лица напряжённые, глаза задумчивые. Будто каждый утонул в собственных мыслях.

Первым заговорил Филис:

— Значит, дитя всё же появилось, все знаки указывают на пророчество — произнёс он глухо, нахмутив брови. Верховный маг, вечно склонный к тайнам, казался даже немного испуганным.

— И Око Ветра разрушено, — добавил Вунд, постукивая костяшками по столу. Его взгляд полоснул меня, как нож. — Такого ещё не бывало.

Он задержал на мне глаза, и я почувствовал себя мальчишкой, застигнутым за проступком.

— Я верю в знамение, — продолжил он. — Всё сходится: ребёнок, всплеск силы, пророчество Дюплونا. Мы не можем закрывать глаза.

Ронус тут же дёрнулся. Стул заскрипел по камню, он ударил ладонью по столу.

— Сколько можно держаться за эти пыльные записи безумцев?

Филис вспыхнул, вскинулся:

— А сколько раз именно они спасали нас?!

— Спасали? — почти прорычал Ронус, мастер зачарованного оружия. Его голос был груб, как точильный камень. — Мы даже не знаем, кто этот ребёнок! Что, если это приманка?

Тут он чуть поддался вперёд и зашептал так, что я еле смог расслышать:

— Что, если враг подкинул нам это видение, чтобы отвлечь? Не говоря о том, что дитя может быть сыном императора!

Слова обожгли меня изнутри.

«А если и правда?.. Я ведь видел лишь то, что позволило показать око. А если истина — иная?».

В зале снова повисла тяжёлая тишина.

И тогда заговорил Дуглас. До этого он молчал, уткнувшись в книгу, но его тихий голос вдруг прозвучал особенно ясно:

— Возможно, Ронус прав. Возможно, Филис тоже. Если дитя — сын императора... — он сцепил пальцы замком и уставился в пол. — Даже без магии его появление станет бурей. Во дворце перегрызутся за каждую каплю его крови. Явно те, кто захочет власти, попытается его убить.

Он поднял голову.

— И ещё... в пользу Ронуса, я подтверждаю, что в последние годы со складов исчезли несколько артефактов. Кто-то слишком много знает. Нам нельзя сидеть сложа руки. Надо убедиться - пророчество это или приманка.

Филис сжал кулаки, но промолчал. Ронус выпрямился, скрестил руки на груди и тяжело дышал, словно сдерживая крик. Его явно задевало, что артефакты пропадали под его присмотром, а он так и не смог найти виновника.

И тогда заговорил Вунд:

— Если мы пошлём целый отряд храмовников, они сразу поймут. Нужен тот, кто не вызовет подозрений.

Он посмотрел прямо на меня.

— Фабиан.

Сердце ухнуло вниз. Я уже открыл рот, чтобы отказаться, но Ронус перебил:

— Он летописец, а не воин! Как можно доверить ему столь ответственное задание?

Его слова ударили, как пощёчина.

— Именно потому, что он летописец, — холодно возразил Филис. — Он за свою жизнь прочитал много книг. Он умеет читать знаки там, где остальные видят только буквы. Ни один храмовник не справится с этим лучше.

От этих слов я почувствовал гордость за свою работу. За наставничество Вунда — пусть и суровое.

— Ха! — Дуглас скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула. — У любого алхимика больше шансов выжить, чем у него. Мои ученики явно поспособней будут. Или пусть выберут того, кто хотя бы меч держать умеет.

Взгляд был ледяным, и я почувствовал себя случайной кляксой, испортившей внешний вид свитка.

Его слова были верны, но обидны. Я проглотил обиду, как горькую пилюлю.

«Разве слово — не оружие? Разве не оно веками решало судьбы империй?»

И тут в спор вмешался Горд. Его голос гремел, как железо по камню:

— Я не доверяю быстрым решениям. Но если выбирать, то лучше отправить того, кого никто не будет подозревать. Летописец не вызовет подозрений. Тем более, он в курсе происходящего.

Он, нахмурившись, потёр переносицу и добавил:

— Однако... пусть идёт не один.

Ронус в ответ барабанил пальцами по столешнице всё сильнее, пока не заметил взгляды. Тогда сжал кулак и процедил:

— Я против. Но если решите иначе — пусть идёт. Только знайте: если это ловушка, крови на ваших руках будет больше, чем на моих.

Вунд поднялся. Его движения были медленны, но в них была власть.

— Решено, — твёрдо произнёс он. — Фабиан поведёт миссию: найти ребёнка и привести его к нам. Случайно или нет, но Око всё показало именно ему. И, быть может, он свидетель пророчества.

Как будто лёд сковал моё горло. Десятки лет в летописных залах — и теперь меня бросали в самую пучину событий.

«Но, смогу ли я? Что будет, если ребёнок погибнет по моей вине? Что, если я сделаю только хуже?»

Филис поднялся, подошёл и положил руку мне на плечо.

— Фабиан, — сказал он мягко, почти по-отцовски. — Я понимаю твоё волнение. Не переживай, ты справишься.

Его ладонь была тяжёлой, как судьба, но голос — тёплый. Я почувствовал, как в груди рождается дыхание. Возможно, он наложил заклинание, но это не имело значения. Его слова дали мне уверенности.

— С тобой пойдут Морис, Астраиэль и Люриус, — со своего места добавил Вунд. — Их уже предупредили.

Я облегчённо выдохнул. Это звучало как спасение: рядом будут те, на кого я смогу положиться.

— Миссия тайная. Для всех вы паломники. Мы предупредим все наши гильдии, чтобы они помогали вам в пути. Корабль будет у перевалочного острова. Ждите его там.

Я кивнул, откланялся и уже взялся за дверную ручку, когда услышал:

— Постой.

Вунд подошёл, протянул жетоны храмовников и свиток.

— Это для любопытных. Жетоны — твой пропуск, свиток — твоя защита. Подписан каждым из нас. Ни один стражник не посмеет усомниться.

Он наклонился ближе, накрыл своей старческой рукой мою и шёпотом:

— Запомни: об этом нельзя знать никому, — его взгляд вонзился в меня, как клинок. — Ни единой душе. Даже твоим спутникам.

Я похолодел.

— Но... Морис, Люриус, Астраиэль... они же мои...

— Твои друзья? — Вунд усмехнулся, но в его усмешке не было тепла. — У храмовников нет друзей, семьи и близких. Только работа и исследования.

Я хотел возразить, но слова застряли в горле. Снова вспомнился смех Мориса, спокойный голос Астраиэля, язвительные замечания Люриуса. И обещание, данное на краю обрыва: «*Не лгать*».

Но глаза Вунда не оставляли выбора.

— Ты молчишь, — сказал он холодно. — Значит, понимаешь. И ещё: разбитое Око я тебе не прошу быстро. Искупишь, когда приведёшь ребёнка. Это — твоя миссия и твоё наказание.

Я покорно кивнул и вышел, прижимая жетоны и свиток к груди. В этот момент впервые почувствовал не только страх, но и гнетущее, липкое ощущение: будто на плечи мне повесили невидимую цепь.

Перед тем как встретиться с остальными, я зашёл в свою комнату.

Скрипнула дверь. Запах старых чернил и пергамента обрушился волной. Я начал копаться в вещах, судорожно перебирая то, что может пригодиться в дороге: дневник летописца, чернила, перо Вунда. Мешочек с монетами, который я хранил на случай... ну, как раз именно такой случай. Собирал машинально, но мысли же снова вернулись к Мариэль — к её колебаниям, слезам, к младенцу, спящему среди чужих вещей.

А ещё — к словам Вунда: «*Даже напарникам не доверяй*».

В мутном, от старости, зеркале я случайно поймал своё отражение. На меня смотрел худощавый мужчина с короткими, волнистыми светло-каштановыми волосами. Те, не ухоженно торчали в разные стороны. И голубыми глазами, в которых сквозила усталость. Тёмные круги делали лицо старше, чем было на самом деле. Кровавая рана на щеке выглядела болезненно.

Снаружи я держался уверенно. Внутри же дрожал человечиска, подглядывающий за чужой трагедией и боящийся быть уличённым.

Я мотнул головой, стряхивая с себя гнетущие мысли. Я и так задержался дольше, чем нужно. Одним движением застегнул рюкзак и уже шагнул к двери. Но вдруг остановился.

«*Ой, чуть не забыл*».

С полки я снял крошечную копию Великого Ока — жалкую, ничтожную, но всё же лучше, чем пустые руки. Спрятав его в рюкзак, я тихо вышел.

Глава 1

Слишком разные.

Каменные ступени под ногами гулко отзывались эхом, пока я спускался вниз. На цокольном этаже в полутьме уже ждали двое. Их взгляды ясно говорили: ты заставил нас ждать.

Морис — коренастый, словно вырубленный из скалы, с руками, словно привыкшими к молотам и наковальне. Плечи — будто способны держать вес двух людей сразу. Коротко стриженные тёмные волосы блестели от влаги, а карие глаза сверкали упрямым огнём. Он был из тех, кто предпочитал решать дела кулаками, а не длинными речами. Обучал только прибывших храмовников владению мечом, щитом и всем, что могло защитить их жизнь.

— Неужели! Сказали же собраться быстро, — буркнул он, скрестив руки. — Я уж думал, ты испугался идти в паломничество.

Рядом стоял Люриус. Чуть сутулый, с русыми волнистыми волосами до плеч и аккуратной бородой. В руках — небольшой кристалл, который он постукивал пальцем, будто проверяя пульс. Камень лениво мерцал в такт ударам.

— А я говорил, — заметил он, не поднимая глаз. — Для летописца это свойственно — заставить всех ждать ради пары строк.

Я открыл рот, чтобы возразить, но сбоку послышался лёгкий шорох. На каменную стену опирался Астраиэль. Я вздрогнул. Он словно вырос из тени.

«Напугал... Вечно он так — сперва затаится, потом сделает вид, будто это мы не заметили. Наверное, это и правда черта всех лафазлей».

Его белые волосы падали прямыми прядями, зелёные глаза — внимательные и спокойные — задержались на мне чуть дольше, чем хотелось.

Я кашлянул, пытаюсь скрыть неловкость.

— Ну... теперь мы все вместе. Пора.

Они не двинулись. Люриус прищурился.

— Тебе не кажется странным, что выбрали именно нас? Обычно на такие задания отправляют горячих юнцов. А мы... слишком разные. И я всё ещё не вижу в этом паломничестве смысла.

— Да хоть паломничество, хоть прогулка! — резко отозвался Морис, хлопнув ладонью по камню так, что тот отозвался гулом. — Мне всё равно. Надо хоть ненадолго выбраться из этих каменных стен и подальше от кислых рож. А эти молодые даже держать корпус не умеют! Махают мечом, будто тяпкой по грядкам! Бездари!

— На дорогах редко встречается то, чего мы ждём, — спокойно заметил Астраиэль. Его голос был ровным, почти холодным. Но от этих слов по спине пробежал холодок.

Я промолчал. Знал слишком многое, но сказать не мог.

Морис фыркнул, стряхивая паузу:

— Хватит тут мяться, словно девица перед танцем. Пошли за припасами!

Кладовая встретила нас сыростью и резким запахом сухих трав, рыбы и вина.

Морис, как и ожидалось, хватал еду с аппетитом вояки: хлеб, вяленое мясо, сушёную рыбу, бурдюки с водой. Его жизнь всегда сводилась к простому и тяжёлому. Он не терпел долгих колебаний.

— Вот это — сила, а не твои книжки, — усмехнулся он, закинув на плечо мешок, который я едва бы поднял двумя руками. Он протянул мне кусок мяса. — Держи. А то твои голодные глаза нас по дороге сами сожрут.

Желудок благодарно урчал, пока я вцепился в мясо зубами.

— Ты хоть ешь иногда? У тебя руки тоньше верёвки. Ветер подхватит — и унесёт.

Я усмехнулся краем губ:

— Тогда привяжи меня к себе. Всё равно тащишь мешок, будто на войну.

— Ладно, привяжу, — проворчал Морис, но глаза смеялись. — А то и правда ветром сдует.

Астраиэль же выбирал вещи спокойно, точно, словно каждое движение заранее выверила сама природа. Он взял сушёные травы, мешочек орехов, бутылку воды. Ни крупички лишнего.

Люриус копался в банках и узлах, проверяя их так тщательно, будто от этого зависела судьба мира.

— Да бери хоть что-нибудь! — ворчал Морис, но Люриус только криво улыбался и продолжал.

Я вытер руки о висевшую тряпку, достал дневник и записал первые строки о нашем пути. Чернильный флакон, что закреплялся на большой палец и не проливался — был настоящим чудом Люриуса.

Кончик пера завис над словами, которые я вывел до событий со сферой и пророчеством — любимая фраза Вунда:

«Слово — оружие мыслителя, а молчание — его щит».

Меня передёрнуло. Она будто пророчила мой путь.

Дальше по пути была оружейная. Морис первым протянул руку. Его выбор пал на тяжёлый двуручный меч, широкий, словно продолжение его руки. Два кинжала и метательные ножи улетели в мешок, а на пояс лёг точильный камень и моток верёвки.

Астраиэль молча взял лук и колчан. На мгновение из-под рубахи блеснул амулет-свистулька — он спрятал его так быстро, будто никто не должен был заметить.

Люриус же выбрал посох. Его пальцы задержались на свитках и каких-то флаконах, аккуратно укладывая их в сумку.

— А ты? — Морис покосился на меня. — Не думаю, что перо испугает разбойников.

Я пожал плечами. Капля чернил упала на страницу.

— Из меня боец никудышный. Может, удастся их уговорить.

Морис расхохотался:

— То-о-очно! Вижу, как ты пишешь: «Покайтесь, ироды, и я, Фабиан, запишу вас в хроники героями!»

Я захлопнул дневник, пробормотав чуть обиженно:

— Для разбойников есть ты. А я взял с собой «Ветерок».

— А, тот самый шар, который только и умеет, что злить тебя? — приподнял бровь Астраиэль.

Я замялся, не найдя слов.

— В дороге всё может оказаться полезным, — хмыкнул Люриус. — Но вот без карты мы точно далеко не уйдём. Кто-нибудь её видел?

Мы переглянулись. Никто.

На причале ветер хлестал в лицо, пахнувший солью и гнилыми водорослями. Лодка покачивалась, жалобно скрипя досками, и этот звук расплзался по мокрому дереву, будто предупреждение.

Рюкзак тянул плечи вниз. В мутной глади я видел своё отражение: усталое лицо, морщины у глаз — словно прожил не пару бессонных ночей, а целую жизнь.

Мы сложили вещи в лодку и облачились в синие балахоны, приколов гербы Храмовых островов.

— Выгляжу, как монах-самоубийца, а не воин, — проворчал Морис, дёргая ворот, который явно душил его широкую шею.

— Ты бы и в короне смотрелся не лучше, — отозвался Люриус. Он тщательно поправлял складки, будто сама мысль о небрежности была для него мучительна.

Астраиэль натянул капюшон молча, и в этот миг мне показалось, что именно он единственный, кто готов идти до конца без лишних слов.

Мы уселись в лодку.

— Отправляемся, — коротко бросил Морис и занял место у вёсел. Его руки налились силой, и лодка с тяжёлым вздохом двинулась вперёд, разрезая туман.

Волны мягко покачивали нас. Берег таял, растворяясь в серой мгле. Я слушал, как каждое резкое движение вёсел с плеском бьёт по воде.

Морис, шурясь, поглядывал за борт:

— Вода мутная. В этой жиже и рыбы-то плавать не захотят.

Люриус устроился на носу. Его кристалл мерцал холодным светом, отражаясь в тумане.

— Хорошо, что мы не рыбы.

Астраиэль произнёс негромко, почти в шёпот:

— Не спеши. Вода одинаково голодна и до рыбы, и до человека.

Я скривился и тихо занёс в хронику:

«Каждый раз, когда он говорит такое, мне кажется, что это не я прочёл почти всю библиотеку».

— Долго ещё махать, или я зря руки натираю до крови? — Морис с трудом удерживал нетерпение.

Магический компас в руках Люриуса упрямо указывал на юго-запад.

— Четыре мили.

— А в кружках это сколько? — ухмыльнулся Морис.

— В кружках? — Люриус поднял глаза и чуть улыбнулся. — Два ведра пота.

Я качнул головой, усмехнувшись. Но улыбка вышла усталой, не настоящей. Тяжесть в груди и плечах не отпускала. Их шутки и слова лишь слегка сдвигали груз, но не снимали его.

Я, держа дневник на коленях, почти машинально, вывел строки:

«Мы слишком разные. Но, возможно, в этом и есть сила. Морис — кулак. Люриус — разум. Астраиэль — тень. А я... летописец, которому доверили судьбу мира».

Чернила ещё не высохли, когда лодка резко качнулась. Ветер завыл, будто смеялся.

Лодка мягко ткнулась в песчаный берег, и нас встретила влажная прохлада леса. Воздух был тяжёлым, пах мокрой землёй. В ушах ещё звенело от шума волн, но теперь вместо них слышался лишь скрип ветвей и редкие крики птиц. Ноги были мокрые от морской воды.

Морис первым выбрался на сушу. С гулким звуком он сбросил с плеча тяжёлый мешок, вытянул спину и шумно выдохнул.

— Наконец-то земля под ногами, — пробурчал он, разминая пальцы. — Хоть тоже мокрая, но лучше, чем кормить червей на дне.

— Если бы кое-кто не нагрузил лодку едой, как телегу зерном, — не удержался Люриус. Он поправил ремень с сумкой и скривился. — Ты бы ещё мельничный жернов прихватил.

Морис резко обернулся. В глазах сверкнула досада, но злости не было. Лишь усталость.

— Когда голод прижмёт, посмотрим, кто первым приползёт к моим запасам, — бросил он, потрясая мешком.

Я молчал, записывая каждую реплику, словно чужие слова могли заглушить мои собственные мысли. Чернила расплывались на влажной бумаге, но мне было всё равно.

Астраиэль остановился чуть поодаль и поднял взгляд к небу. Листья над нами колыхались, пропуская редкие, тонкие лучи света.

— Спорите, как дети, — произнёс он спокойно. — Лес не любит шума.

— А я не люблю лес, — хмыкнул Морис, двигаясь вперёд. Его сапоги чавкали в грязи. — В нём всегда что-то крадётся за спиной. Не знаешь, откуда прилетит стрела.

Астраиэль едва заметно усмехнулся, но в его голосе прозвучала тень:

— Стрелы не самое страшное.

По спине пробежал холодок. Его слова звучали так, будто он знал, о чём говорит.

Мы углубились в чащу. Шаги тонули в мягкой земле, птицы замолкали при нашем приближении. Влажный туман висел между стволами, превращая их в серые призраки.

— Здесь прошёл кабан, — вдруг сказал Астраиэль, наклоняясь к отпечаткам следов, оставленных на влажной земле.

Морис нахмурился, но шага не сбавил.

— Пусть идёт своей дорогой. Я ради забавы зверьё не режу. Но если решит вернуться — будет у нас ужин.

— Ты что, кабанов боишься? — прищурился Люриус, пытаясь поддеть его.

— Я не боюсь, — резко ответил Морис. — Но видел, как наёмники дохнут от кабаньего клыка, будто от клинка. Так что лишний бой лучше не искать.

Я задержался у дерева: на его корнях мелькали грибы с оранжевыми шляпками.

— Эти можно есть?

— Конечно, — сказал Люриус, не моргнув. — Один раз.

Морис хмыкнул, не удержавшись:

— Помню как-то целый отряд от таких грибов слёг. Сначала смеялись, потом визжали, а потом — тишина. Так что лучше не трогай. Но если не хочешь в паломничество, то дерзай.

Я поспешно отошёл от дерева. Сердце неприятно кольнуло: лес был красивым, но в каждом уголке таилась угроза.

Мы шли уже долго. Я вспомнил слова Вунда: где-то на этом острове должен быть перевалочный дом для паломников. Без него путь в Атриум был невозможен. Магический барьер, скалы и водовороты океана Душегуба не пропускали никого. Только особый храмовый корабль мог пересечь его воды.

— Где проводник? — спросил я вслух, чувствуя, как напряжение тянет спину.

И словно в ответ, туман впереди сгустился. Из белёсой пелены вышел старик. Сгорбленный, с тростью, в потёртом синем плаще. Его борода была всклокочена, но глаза — ясные и острые, слишком живые для такой развалившейся фигуры. Казалось, он видел нас насквозь.

— По поручению старейшин? — спросил он сипло. Голос без страха, без заискивания. Я поймал себя на мысли, что чувствую себя не в своей тарелке. Люриус тоже напрягся, не сводя с того взгляда. Старик был не так прост.

— Верно, — я протянул свиток.

Он пробежался глазами по знакам, коротко кивнул.

— Корабль задерживается. Ждите рассвета. Там найдёте очаг и кровати.

Указал тростью в сторону и, хромая, растворился в тумане.

Мы переглянулись. Морис пожал плечами, и мы двинулись в указанном направлении.

Домик нашёлся быстро. Тесный, холодный, пустой. Пахло пылью и затхлостью. Видно, людей здесь давно не было.

— Жилище для паломников, — пробормотал Люриус, входя первым. Он взмахнул посохом, и даже огниво не понадобилось: камин вспыхнул живым пламенем, словно ждал этого момента. Жёлтые языки света заиграли на стенах, разгоняя мрак и сырость.

Мы сложили свои вещи в углу, и комната сразу стала напоминать временное пристанище — скудное, но всё же убежище. Морис, едва сдерживая зевок, достал кусок вяленого мяса, разжевал за пару укусов и, даже не прожёвывая как следует, бухнулся на узкую койку.

— Тот, кто делал эту кровать, явно ненавидел людей, — пробурчал он, криво усмехнувшись. — Спал, наверное, прямо на камнях и мстил остальным.

Астраиэль пожал плечами, его лицо в отблесках огня выглядело бесстрастным.

— Может, он просто любил жёсткость.

— Или был таким же упрямым, как Морис, — добавил Люриус с тихой усмешкой.

Морис фыркнул, натягивая плащ на плечи:

— Я упрямый, потому что жив. В отличие от половины моих старых знакомых.

Я, пропуская мимо ушей их вечные перепалки, раскрыл дневник. Чернила блеснули при свете огня, и я вздохнул, готовясь к привычному ритуалу: только писанина могла хоть немного успокоить мысли.

— Вы не против, если я запишу кое-что?

— Пиши хоть моё похмелье, — пробормотал Морис, не открывая глаз. — Только храп не трогай. Хотя... если он будет последним в твоих хрониках, то пиши. Пусть будет честно.

— Это будет самая правдивая хроника, — спокойно заметил Астраиэль, и в его голосе не чувствовалось иронии.

Морис зевнул, закрыл лицо плащом и пробурчал:

— Ну и славно. Разбудите, если кто-то решит нас прирезать. — Через минуту он уже захрапел, будто по щелчку.

Мы втроём остались у огня. В комнате пахло копотью и сырыми досками, но огонь разливал по углам тепло. Я медленно выводил слово за словом, делая заметки о нашем пути, стараясь не задумываться о том, что именно я опускаю.

Люриус задумчиво ковырял угли кочергой, будто искал в них ответ.

— То, что отправили нас троих — понятно. Но ты, Фабиан... — он прищурился, в отблесках огня его глаза стали жёсткими. — Вот это загадка. Как Вунд тебя отпустил?

Я сделал вид, что его слова скользнули мимо. Но в груди неприятно кольнуло, будто ледяной осколок.

— В наказание. Я уничтожил Око Ветра.

— Что?! — Люриус и Астраиэль вскрикнули в унисон. Морис, даже сквозь сон, перевернулся на другой бок и захрапел громче, будто нарочно.

— Как это произошло? — голос Астраиэля дрогнул, но не от удивления. Скорее от напряжения. Его зелёные глаза впились в меня, как лезвия.

— Взял сферу... и она рассыпалась, — выдавил я.

— Просто так? — Люриус вскинул бровь, явно не веря.

— Столько магии в один миг! Любой бы растерялся, — поспешно добавил я. — Вы же сами почувствовали выброс.

Люриус нехотя кивнул. Маг его уровня не мог не ощутить такого взрыва энергии. Но в его взгляде оставалось сомнение.

Астраиэль не отводил глаз.

— Это поэтому ты выбежал из комнаты наблюдений, как ошпаренный? Я видел тебя. Ты выглядел потрясённым. Ты там что-то увидел?

Слова ударили сильнее, чем я ожидал. Горло пересохло. Рука сама потянулась к щеке. Порез саднил под коркой.

«Сказать? Вунд приказал молчать. Но мы же столько лет живем вместе. Что же делать?».

Внутри всё сжалось. На миг я представил, как выкладываю правду прямо сейчас — и камень тяжести слетает с плеч. Но вместо облегчения воображение принесло лишь страх.

— Это был просто шок, — выдохнул я слишком быстро. Слова прозвучали чужими, будто их произнёс кто-то другой.

Повисла тишина. Только потрескивание огня заполняло пространство.

Люриус наконец пожал плечами, будто решив, что сейчас не время.

— Что ж. Скоро рассвет — и корабль. Остальное потом.

Он улёгся на койку, натянул плащ и отвернулся. Астраиэль остался сидеть у стены, его глаза ещё долго блеснули в полумраке.

Я один остался у огня. Усталость давила на плечи, но сон не приходил. Я глянул на написанное и вывел ещё несколько строк:

«Приказ Вунда. Я делаю, как он велел. Это долг. Морис поймёт».

Но буквы дрожали, будто сама рука отказывалась писать ложь.

Глава 3

Груз прошлого

Я всё же не удержался и достал «Ветерок». На фоне

Ока Ветра он действительно выглядел жалкой копией: мутный, со слабым свечением, будто в нём притаился полумрак. Я повертел его в ладонях и раздражённо выдохнул:

— Ну же... покажи хоть что-то.

Сфера нехотя ожила. Внутри закрутился туман, в котором проступили размытые очертания: высокая стена, телега и крошечная фигурка ребёнка. Детали ускользали, словно кто-то нарочно стирал их. Но главное я понял — мальчика увезли. Время уходило.

В этот миг за тонкой стеной каюты донёсся шум: крики докеров, лай собак, звон колокольчика на пристани.

«Неужели уже порт?» — мелькнуло у меня. Для экипажа этого корабля каменные скалы, что мы огибали, оказались лёгкой прогулкой.

— Ну что, друзья! — Морис вскочил, ухватил половину наших вещей и закинул их на плечо. — Добрались! Пора выдвигаться!

Мы поспешно собрали оставшееся и вышли на палубу.

Перед нами открылся город. Шум, толпы, разноцветные флаги на мачтах кораблей, лавки с вывесками, где красовались хлеб, рыба и ткани. Красные крыши домов сияли под солнцем, белёные стены ослепляли. Всё было ярче и живее, чем на Храмовых островах, и в сто раз шумнее.

— Вот он, запах жизни! — Морис вдохнул полной грудью. — Рыба, дым, жареное мясо... Эх, как я соскучился!

— Мне не по нраву, — буркнул Астраиэль, пряча нос в воротник.

— Привыкай, лафаэль, — усмехнулся Морис. — Это тебе не Храмовые острова. Здесь всё настоящее.

Капитан перекрыл его восторги громовым голосом:

— ПРИЧАЛИВАЕМ! Готовьтесь на выход!

Корабль ткнулся в причал. Матросы сноровисто закрепили канаты, и мы сошли на трап. Доски были скользкими, запах — тяжёлым: смесь помёта, тухлой рыбы и горячего дегтя. У меня едва не свело желудок. Морис же шагал первым, словно возвращался домой.

— Смотри, как ворочают бочки, — хмыкнул он, глядя на рабочих, которые грузили соседний корабль. — Как немощные дети.

— Зато бочки будут целые, — заметил я, стараясь дышать ртом. — Ты не грузчик, а бывший наёмник. Разница есть.

— Разница в том, что я умею и грузить, и бить, — ухмыльнулся Морис.

Мы двинулись в сторону рынка. Толпа гудела, торговцы надрывались, зазывали, где-то в переулке играла флейта. Воздух был густым, как дым, пахнул пряностями и потом. Но под этим фоном чувствовалась тревога: люди то и дело резко хватали детей за руки, оборачивались, словно опасались чего-то за спиной.

Люриус замер у лавки с кристаллами, его глаза загорелись, как у ребёнка. Правда, он быстро понял, что это простые стекляшки и потерял интерес. Морис же остановился, глядя на малыша, тянущегося за сладостью. Его мать смеялась, сунув монету торговцу.

Морис резко отвернулся.

— Эх... моя бы тоже так тянулась...

Я встретился с ним взглядом, но он, заметив это, пробился вперёд сквозь толпу, будто хотел убежать от моего сочувствия.

В этот момент к нам подбежала женщина. Лицо бледное, глаза безумные, дыхание рваное. Она вцепилась в рукав Мориса, едва не упав, словно хваталась за последнюю надежду.

— Помогите! Вы же храмовники! — её голос дрожал, срывался. — Мой сын... пропал!

Морис застыл. Его плечи напряглись, взгляд потемнел.

— Сколько лет? — спросил он хрипло, будто вопрос резал горло изнутри.

— Пять... — её слова обрушились, как удар молота.

Я видел, как побелели его пальцы, сжимавшие рукоять меча. Он моргнул, но не отвёл взгляда. Я знал — это не просто чужой ребёнок. В его голове ожила собственная дочь. Тот же возраст. Та же уязвимость. Та же потеря.

— Где вы его видели в последний раз? — мягко вмешался Астраиэль, будто опасался, что Морис сорвётся.

— На площади... я отвлеклась на миг. И он исчез! — женщина дрожала всем телом. — Я умоляю, верните его!

Люриус шагнул вперёд, его глаза загорелись напряжённым светом.

— Мне нужна его вещь. Любая.

— У вас... дар? — она ахнула, увидев кристалл в его руке.

— Да. Быстрее, — отрезал он.

Женщина трясущимися руками достала маленький деревянный кинжал. Потёртый, с засохшими пятнами краски, явно любимая игрушка. Вещь, которой ребёнок дорожил больше всего.

Люриус зажал её в ладони вместе с кристаллом. Камень вспыхнул, но свет колебался, гас.

— Он рядом, — прошептал маг, стиснув зубы. — Но что-то мешает.

— Мы поищем сорванца, — Морис говорил непривычно мягко, но голос дрожал. — А вы ищите там, где видели его в последний раз. Может, он засмотрелся на игрушки и уже сам ищет маму.

Астраиэль уточнил, где можно её найти, и мы двинулись в переулки.

— Твой кристалл может работать, как нюх собаки? — не выдержал я любопытства, пытаясь отвлечься от собственной тревоги.

Люриус задумчиво прищурился.

— Это больше работает, как нить, но иногда она рвётся. И тогда найти её снова становится очень сложно.

Мы обшарили улочки. Люриус держал кристалл отца, пытаясь уловить след, но свет то вспыхивал, то угасал. Я ощущал, как в груди поднимается тяжёлый ком — будто время утекает сквозь пальцы.

— Он где-то рядом, — процедил Люриус сквозь зубы.

— Если... он ещё жив, — тихо сказал Астраиэль.

Морис резко обернулся, глаза полыхнули.

— Замолчи!

Я сжал плечо Мориса, стараясь удержать его от вспышки, но он отдернул руку, будто обжёгся. Его взгляд метался, он будто не слышал нас — только собственные воспоминания.

— Он где-то рядом, но я потерял нить, — выдохнул Люриус, тряся кристалл.

— Как это ты потерял? — Морис двинулся на него, словно гора сдвинулась с места.

— Вот так! — огрызнулся Люриус. — У магии свои условия. Я не бог.

Мы топтались там больше двух часов. Морис становился мрачнее с каждой минутой, и я боялся, что в нём вот-вот что-то оборвётся. Синяки под глазами Люриуса становились всё темнее из-за непрерывного использования магии.

Я заметил кучу камней у стены. Не знаю почему, но меня словно потянуло проверить. Отодвинув пару булыжников, я увидел тёмную расщелину. Внутри темнела вода. И — смутный силуэт.

— Кажется, я что-то нашёл! — крикнул я.

Люриус поднёс кристалл, и тот мигом засиял ярче.

— Там.

Морис даже не думал. Он схватил верёвку с пояса, сунул мне.

— Ты худой. Спускайся. Живо!

Голос его дрожал, но это был не гнев. Это был ужас.

— Морис... — начал я, но Азраиэль перебил, глядя прямо в глаза:

— Сделай это. Для него.

Верёвка впилась в грудь, когда меня осторожно опускали вниз. Конструкция была шаткая, камни скользили и хрустели под ногами, казалось — вот-вот всё рухнет, погребя нас обоих. Дыхание сбивалось от сырости.

И вдруг — тихий всхлип.

На дне, по колено в ледяной воде, дрожал мальчик, обхватив колени.

— Это он! — заорал я. — Он жив!

Мальчик поднял голову, глаза блестели в полумраке. Губы посинели.

Я застыл. В голове пустота. Как его поднимать? Я никогда никого не спасал.

— Тяните! Тяните наверх, он у меня! — завопил я, схватив его мокрую рубашку.

Но никакого движения вверх не было.

Напротив — верёвка продолжала ослабляться. Я опускался всё ниже, в ледяной провал. Я встретился глазами с мальчиком. Он был слишком мал, чтобы понять, что происходит, но в его взгляде было доверие. И это доверие било сильнее ножа.

«Не время паниковать, Фабиан, — сказал я себе. — Не перед ребёнком».

Я шагнул в воду. Она обожгла холодом, будто тысячи иголок вонзились в кожу. Мальчик поднял голову — огромные глаза блестели в темноте, ресницы были мокрыми. Я крепче прижал его к себе и извернулся, чтобы ухватить верёвку. Дёргал что было сил. Канат натянулся, и падение прекратилось.

— Всё хорошо, — сказал я, натянуто улыбаясь. — Там, наверху, дядя, он очень сильный. Нас вмиг вытащит.

Нас медленно начали поднимать. Мальчик хрипел, его кашель сотрясал всё тельце. Я чувствовал, как он слабнет у меня на руках. Мне вспомнились собственные болезни — тошнотворные, изнуряющие. Я стиснул зубы.

И вдруг верёвка резко дёрнулась вниз. Я едва не выронил ребёнка — нас снова тянуло в воду. Холод ударил в ноги, поднимался всё выше. Я захрипел, вцепился в канат, пальцы скользили по мокрой верёвке, обдирая кожу. Дёргал его, пока он снова не натянулся.

— Держись, малыш... держись! — выдохнул я сквозь зубы.

Я прижимал его к себе, толкал выше, к верёвке, но сверху сыпались камни. Гул усиливался, будто вся щель собиралась рухнуть разом. Один булыжник сорвался, ударился о воду рядом, обдав нас ледяными брызгами.

— Быстрее! Тат всё рушится! — завопил я.

Верёвка натянулась сильнее. Меня дёрнули вверх. Я стиснул ребёнка так, что он захрипел у меня на груди, вцепился мне в шею маленькими руками. Каждый рывок больно бил по спине, грудь сдавливало петлёй каната, дыхание сбивалось.

Вверх. Ещё... ещё... И вдруг — свет! Сильные руки ухватили нас обоих, вытащили из чёрной пасти. Я вывалился на камни, задыхаясь, с ребёнком, всё ещё вцепившимся в меня.

Я обернулся — и застыл. Морис стоял на коленях, держал руками огромный булыжник, не давая ему рухнуть. Жилы вздулись, лицо перекосилось от нечеловеческого напряжения. Камень скрежетал, медленно сдвигаясь вниз.

— Убейтесь! — хрипел он. — Живо!

Астраиэль и Люриус схватили меня за плечи, потащили прочь. В ту же секунду Морис отпустил камень. И вся груда рухнула вниз, с грохотом засыпав щель.

Мы замерли. Сердце бухало в ушах, дыхание рвалось клочками. Астраиэль тихо тронул Мориса за плечо.

— Всё хорошо. Этот ребёнок жив.

Морис выдохнул, словно воздух вышибло из груди, и рухнул на колени. Закрыв лицо ладонями.

— Да хранят его Боги... — прошептал он.

Мальчик вцепился в мою рубаху, дрожал, не отпуская. Только теперь я понял. Он всё это время плакал, без звука, сдерживая всхлипы.

Мы молчали. Никто не решался нарушить эту тишину.

Позже Морис шёл позади нас, неся мальчика на руках. Его шаги были тяжёлыми, будто каждая ступень отдавала болью и воспоминаниями. Казалось, он несёт не только ребёнка, но и собственное прошлое. Мальчик, укрывшись у него на груди, не спускал глаз с лица бывшего наёмника — в этих глазах было столько доверия, что оно само по себе выглядело невыносимым грузом.

— Ему тяжело, — негромко сказал Астраиэль, не отрывая взгляда от Мориса.

— Если бы не он, мы бы и не искали так отчаянно, — добавил Люриус, задумчиво поглаживая посох. — Этот ребёнок обязан ему жизнью.

Я промолчал. Внутри что-то болезненно сжималось, словно у меня украли дыхание.

Когда мы вернулись на рынок, мать уже ждала. Она заметила сына и кинулась вперёд. Вырвала его из рук Мориса, прижала к груди так крепко, будто боялась, что тот исчезнет, если ослабит хватку. Слёзы катились по её лицу, смешиваясь с уличной пылью.

— Живой... Боги, живой... — шептала она, расцеловывая ребенка и не веря собственным глазам.

Она подняла взгляд на Мориса — благодарный, полный боли. Но он отвернулся, стиснув зубы, будто этот взгляд обжёг его сильнее любого удара.

— Не знаю даже смогу вам отплатить, — её голос дрожал. — Я... у меня ничего нет... но вы спасли моё сердце.

Морис покачал головой.

— Оплати заботой о нём.

Она опустилась на колени прямо в грязь. Но он резко поднял её за плечи, рывком.

— Встань. Не кланяйся мне. Я не святой.

Мальчик, всё ещё дрожа от кашля, глядел на него большими глазами.

— Дядя... спасибо.

У Мориса дрогнули губы, и он на миг задержал дыхание.

— Тут не я один постарался, — сказал он хрипло и кивнул в нашу сторону. — Видишь вот этого долговязого? — он мотнул подбородком в мою сторону. — Скажи и ему спасибо.

Мальчик перевёл взгляд на меня. Его глаза были тёплыми и серьёзными, не по-детски. Я смущённо улыбнулся. Сердце ёкнуло — странное чувство: радость и неловкость, переплетённые в один узел.

Он тихо прошептал благодарность, и тут же его сотрясла новая волна кашля. Я хотел было протянуть руку, но так и застыл, не зная, вправе ли.

— Возьмите, — Астраиэль подал матери небольшой пучок трав, перевязанный тонкой верёвкой. — Думаю, вам будет нужнее, чем мне. Это смягчит кашель.

Она кивнула, всё ещё плача, и прижала сына к себе ещё крепче. Мы проводили их взглядом, пока они не скрылись в толпе.

Морис же резко развернулся и пошёл прочь, не оборачиваясь назад.

Корчма гудела, словно улей. Воздух был густой, липкий: запах дешёвого эля смешивался с дымом очага, с гарью шкворчащего жира и потом тех, кто неделями не мылся. В углу, за длинной скамьёй, матросы орали песни, сбиваясь с ритма, и это резало уши похлеще ветра в шторм.

Мы уселись ближе к стене, где шум гасил камень. Люриус, весь бледный, вытащил кристалл и листок пергамента, который я ему одолжил. Его движения были судорожными. Чернила ложились неаккуратно — я видел, как дрожали его пальцы. Астраиэль, напротив, будто и не пил вовсе — скользил взглядом по залу, словно считал каждого, кто может к нам прислушиваться, кто опасен.

Морис заказал кувшин и осушил половину кружки залпом. Его лицо было мрачнее тучи.

— Ты слишком тихий, — не выдержал я.

— Ага, — криво усмехнулся он, стукнув кружкой о стол. — Пить хочу.

Но я видел — это не только жажда.

— Морис, — я наклонился ближе. — Ты ведь увидел в нём свою дочь, да?

Кружка застыла у его губ. Его взгляд метнулся в сторону. В углу хохотали рыбаки, кидая кости на грязный стол. Морис выдохнул, налил себе ещё, почти перелив через край.

— Не трогай.

— Ты не обязан всё держать в себе, — упрямо сказал я, чувствуя, как сжимается грудь.

Он выпил и склонился ближе.

— Знаешь, Фабиан... — его голос стал глухим. — Так получилось, что я выжил. Выжить — это хуже, чем умереть. Каждую ночь лица тех, кого я пережил, снятся мне. А днём видишь других — и ненавидишь себя за то, что жив.

Я слотнул. Эти слова были словно шторм, в который мы попали.

Он опрокинул кружку, вино потекло по бороде, и Морис хрипло засмеялся. Но смех тут же сорвался, и голос стал тяжёлым, будто камни давили на язык:

— Сегодня впервые слышал, как ребёнок поблагодарил меня, — он криво усмехнулся. — И знаешь что? Я этого не заслужил.

Я хотел возразить, но он поднял ладонь:

— Ты, Фабиан, оставляешь след в истории. Этот вот, — он кивнул на Люриуса, — сверкает кристаллом, как маяком. А тот ушастый, — ткнул куда-то в сторону Астраиэля, — всё видит. А я? Только руками махать могу. Всё.

Астраиэль даже не обиделся. Спокойно ответил:

— Иногда одного удара достаточно, чтобы спасти целый мир.

Морис уже собрался огрызнуться, но замер. Налил ещё, залпом выпил, потом ударил кружкой об стол так, что дерево треснуло.

Астраиэль осторожно спросил:

— А какая она была?

— Была, — Морис специально подчеркнул слово. Голос его звучал бравадой, но глаза блеснули иначе. — Девочка. Пятилетняя. Вечно норовила залезть повыше и смотреть на мир сверху. Словно ей тесно на земле.

Он прикрыл глаза ладонью.

— Теперь она смотрит на мир вместе с богами.

Сердце у меня сжалось.

Люриус вдруг поднял голову от тетради, голос у него был хриплым:

— Если бы она жила... она бы видела, как всё меняется. Магия возвращается. Нужно только исследовать глубже.

— Исследовать? — Морис фыркнул, налил ещё, пролил половину на стол. — Ты, как мой батя. «Копай глубже». А потом — кровь, смерть. И кто в ответе? Никто.

Мы замолчали. Только крики и песни моряков наполняли воздух.

Я пододвинул к себе дневник. И почти не думая, вывел:

«Даже самые сильные носят в себе раны. И, может быть, именно они делают нас живыми».

Морис допил остатки, уронил голову на руки и быстро заснул.

Люриус в это время сидел, тяжело дыша. Под глазами тени стали глубже, губы потрескались. Он выглядел так, будто не спал неделями. В каждом его движении чувствовалась жуткая усталость, изнуряющая, как болезнь.

Мы с Астраиэлем переглянулись. Нужно срочно искать ночлег. Но пока можно было отдохнуть и тут.

Я накрыл Мориса балахоном. Он что-то пробормотал во сне, и я уловил лишь одно слово:

— Адель...

Я опустил голову. Даже во снах она была целым миром для него.

Глава 4

Пламя и предательство толпы

Я сидел, слушая шум вокруг, и он бил по ушам, как гул корабельного трюма в шторм. Слова Мориса о лжи, его тяжёлое обещание *«не скрывать правду»* — снова врезались в память. Я посмотрел на него: в глазах усталость, в пальцах — дрожь, в голосе — вязкий осадок вина. Он тащил за собой груз прошлого, такой тяжёлый, что любая дорога под ним трещала. И всё же шёл.

«А я? Я тащил за собой тайну. Ту самую, что могла похоронить нас всех. Несправедливо. Перед ними, перед собой. И вот сейчас, за кружкой дешёвого вина, в этой глупой корчме, я мог всё рассказать».

Я чуть тряхнул за плечо бывшего наёмника и начал:

— Морис, я...

Но договорить не успел.

Астраиэль вдруг резко выпрямился. Его глаза — зелёные, как грани изумруда — скользнули к двери. Мы обернулись. Там, на доске объявлений, молодой писец в сером халате прибавил новый листок. Молоточек стучал глухо, и с каждым ударом шум в таверне стихал, словно кто-то давил на горло всем сразу.

На жёлтом пергаменте крупно и жирно было выведено:

Разыскиваются:

Изменники, участвовавшие в бунте.

При поимке — казнь без суда.

Шум перерос в тишину. Рыбаки, ещё недавно хохочущие, переглянулись и перекрестились. Кто-то встал и выскользнул к выходу. Кружка, упавшая на пол, покатилась и замерла у сапога — на неё никто не обратил внимания.

Астраиэль побледнел, его пальцы вцепились в край стола так, что костяшки стали белее воска. Люриус же вскочил так резко, что стул с грохотом опрокинулся.

— Какого... — он задышался. — Теперь нам конец!

Морис схватил его за плечо, встряхнул — кружки качнулись, едва не пролившись.

— Успокойся! Зачем им нас искать? Мы ведь простые храмовники.

— Храмовники?! — Люриус захлёбывался словами. — Да им будет плевать кто мы! Я помню тот день... с отцом! Всё начиналось точно так же! — Люриус опустил взгляд.

Астраиэль заговорил быстро, почти шёпотом, но в голосе звенел металл:

— Отсюда два пути. Назад на корабль — досмотр. Или ворота.

— А ворота ведут прямо через площадь, — глухо добавил Морис.

Повисла тишина. Каждый понимал: ничем хорошим это не кончится.

Люриус затряс головой, губы побелели:

— Что нам делать? Нужно скорее дойти до гильдии храмовников и укрыться там.

— Мы не успеем, — я поднялся, в груди словно что-то рвалось. — У меня есть мысль. Где-то рядом я видел прачечную. Там пар, там толпа, одежда матросов. Мы возьмём вещи, замаскируемся, выйдем незаметно.

Морис прищурился, усмехнулся уголком рта, но глаза оставались мрачными:

— Хм. А в твоей голове иногда мелькают здравые мысли.

Астраиэль кивнул. Его взгляд — холодный, словно зимний ветер:

— Если судьба ведёт нас через площадь, значит, там мы и будем.

— Или будем висеть в петле, на потеху людям, — буркнул Люриус, и его голос сорвался на писк.

Я посмотрел на него. Этот страх был не просто страхом. Он был голым, детским, обнажённым до кости. И именно ради этого я должен был сказать правду. Но — снова промолчал.

Мы поднялись. Я хотел кинуть пару монет, но пальцы нащупали лишь пустоту. Паника холодной иглой кольнула в живот. Я торопливо обшарил карманы, ремни, даже сапоги — ничего.

«Колодец! — запоздало понял я. — Наверное, там уронил...»

Астраиэль уловил мой растерянный взгляд, кивнул, будто заранее знал, и выложил свои деньги. Монеты звякнули о стол, рядом остался недопитый эль. Тонкая нить спокойствия окончательно лопнула.

Мы вышли через заднюю дверь корчмы, в узкий переулок. В лицо ударил запах отходов, пьяных мужиков и города. Издалека доносился звон колокольчиков, лай собак, крики торговцев. Город жил — и одновременно умирал, потому что для нас каждая улочка теперь была капканом.

Астраиэль шёл первым — мягко, как тень, почти не касаясь земли. Морис, шатаясь, замыкал. Его ладонь лежала на рукояти ножа, пальцы скользили по ней, словно по спасительному кругу. Люриус держался рядом со мной, его дыхание было тяжёлым и рваным, как у человека, которого только что вытащили из реки.

Мы двигались осторожно, стараясь не привлекать взгляды.

В конце переулочка я сорвал первый попавшийся плакат. Печать. Красный воск. Чёткие буквы:

ВСЕМ ЖИТЕЛЯМ ИМПЕРИИ

По велению Святого Отдела расследований еретической греховности, каждый обязан немедленно явиться для проверки документов и права пребывания на территории Империи в инквизиционный отдел.

Данный приказ обязателен для всех без исключения, вне зависимости от статуса, положения и рода занятий.

С сегодняшнего дня вводится комендантский час: от заката солнца и до рассвета. Нарушившие порядок подлежат допросу, а при сопротивлении казнь без суда и следствия.

Святой Отдел расследования наделяется верховным правом досмотра всех домов, производств и гильдий.

Каждый, кто уклонится от повиновения, будет объявлен изменником Империи.

24 день месяца лугового цвета, времени полного солнцестояния, 1125 год.

Святой Инквизитор

Аврелий Таурус

Я читал, а слова будто резали глаза. Комендантский час.

Казнь без суда. Изменники Империи.

— Это безумие... — выдохнул я. Горло пересохло, язык прилип к нёбу. — Почему старейшины не предупредили?

Ответ сам ударил в голову: дата совпадала с нашим уходом. Всплеск магии. Маги Империи ощутили. И Инквизиция ударила первой.

— Безумие... — эхом повторил Люриус, голос дрожал. — Мы храмовники! Мы неприкасаемые! У нас же жетоны. Так какого дьявола?

— Теперь это неважно, — глухо отозвался Морис. — Где прачечная?

— Там, — показал я рукой, но Астраиэль резко перехватил:

— Нет. Нам сюда.

Он повёл к низкой двери меж лавкой и кожевенной мастерской. Оттуда клубился пар, пахло мылом и щёлоком.

Прачечная встретила нас жаром и гулом. Женщины били мокрое бельё о камни, вода стекала в деревянные корыта. Воздух был густой от пара, глаза у всех затуманены усталостью. Они даже не подняли голов — лишь работали, будто во сне. Самое важное, что верёвки с влажной одеждой скрывали нас, заслоняя обзор.

Морис первым стянул с верёвки грубый кафтан матроса, натянул поверх себя. Ткань трещала, но скрыла его грудь. Я выбрал потёртую куртку и широкополую шляпу. Шар незаметно перекочевал ко мне за пазуху.

Астраиэль замер. Его белые волосы и уши торчали, как маяки. Я кинул ему тёмную повязку, он затянул её, мгновенно превратившись в худого подмастерья. Люриус стянул пару рубах, натянул одну на себя.

— Сними, — шёпотом бросил Морис, указывая на кристалл. — Спрячь. Хоть в грязь закопай, только чтоб никто не видел.

Пальцы Люриуса дрожали, он не хотел отпустить. Я коснулся его руки.

— Сейчас главное — выжить.

Он выдохнул, словно ломая себя, и убрал кристалл в рюкзак.

Мы засунули накидки к остальным своим вещам. Теперь, с баулами и в грубой одежде, мы походили на вернувшихся матросов.

Вдруг нас пронзил чужой взгляд: мальчишка-подсобник. Он замер, глаза круглые, рот приоткрыт. Я похолодел — вот-вот побежит за стражей.

Морис присел, сунул ему пару медяков прямо в ладонь.

— Ты обронил? — Подмигивая ребенку, Морис продолжил — Нас тут не было, ясно?

Он дождался кивка мальчика.

— Хорошо. А теперь беги играй!

Парнишка мгновенно спрятал монеты и отвернулся.

Мы вышли. Холод улицы ударил в лицо, словно ведро ледяной воды. Но не успели вдохнуть полной грудью, как впереди уже виднелась площадь.

Толпа кипела. Стражи в серых плащах двигались между людьми, цепкие взгляды скользили по лицам. Один задержался на нас. Люриус споткнулся, чуть не упал. Я, внутренне похолодев от страха, шагнул вперёд, заслонив его.

— Где можно купить южные специи? — спросил, как можно спокойнее.

Страж смерил меня взглядом, в котором было больше презрения, чем подозрения, сплюнул.

— Там, у южных ворот.

— Благодарю Вас.

Мы пошли дальше. Сердце било в висках так, что шум толпы сливался в один ритм.

На помосте готовили казнь. Верёвки, топоры, факелы. На табличке:

КАЗНЬ НАЧНЁТСЯ НА ЗАКАТЕ.

Люриус застыл, губы задрожали.

— Если стража нас заметит... Я... Я не могу!

— Сможешь, — твёрдо сказал Морис, сжал его за плечи. — Смотри на меня, и не сбавляй ход.

Астраиэль наклонился ко мне, шепнул:

— Если нас будут проверять, шанс почить очень велик.

Я кивнул. Толпа гудела. В центре узник, привязанный к столбу. Лицо в крови, рубаха ключьями, колени дрожали.

Инквизитор развернул свиток. Его голос разнёсся над площадью, звенящий, как церковный колокол:

— За использование запретной магии... за ересь против истинной веры... за отказ повиноваться приказам Святой Инквизиции...

Толпа восклицала. Кто-то выкрикнул:

— Сжечь его!

И крик подхватили десятки голосов. Другие же отворачивались, закрывали глаза. Женщина прижимала ребёнка к груди, старик судорожно перебирал чётки.

Рядом со мной Люриус побледнел так, что губы стали белее мела. Его глаза были устремлены только на узника, и я знал, что он видел сейчас не чужого человека. Он видел — отца, связанного у костра. И себя, мальчишку, который ничего не мог сделать.

— Нет... — прохрипел он.

Факел опустился в дрова. Сухие ветки вспыхли разом. Пламя взвилось и жадно лизнуло ноги узника. Он закричал — криком, в котором не осталось человеческого.

И вдруг, сквозь вопль, он выкрикнул слово. Слишком далеко, я не разобрал. Оно разлетелось по толпе, как запах горящего дерева. Люди качнулись, кто-то осел на колени, кто-то судорожно перекрестился.

Я зажмурился. Но звук прожёл уши: треск костра, визг, запах горелого мяса. Желудок скрутило. Ещё чуть-чуть, и меня бы вырвало.

— И это ждёт любого изменника, — прогремел инквизитор. — ТАКОВА ВОЛЯ ИМПЕРАТОРА!

Толпа завывала. Одни кричали от восторга, другие плакали.

Люриус стоял каменный, его плечи дрожали. Морис, стиснув зубы, опустил руку на рукоять меча и рванулся вперёд. Я едва удержал его за локоть.

— Стой! Из-за тебя мы все будем на эшафоте!

— Я отрублю ему голову! — зарычал он, но замер.

Астраиэль не отводил взгляда от помоста. Его пальцы едва заметно сжались на луке. Это не равнодушие — это расчёт.

— Уходим, — негромко сказал он и дернул меня за рукав. — Голову опусти, не привлекай внимания.

Я хотел кивнуть, но тут — тихий щелчок, будто капля упала на камень. Я обернулся. И похолодел.

Маленькая сфера, ранее спрятанная глубоко под курткой, покатила по камням и засияла, отражая закатное солнце. Оно катилось под ноги ближайшему стражнику. Словно издевалось: тихо, медленно, но достаточно, чтобы десятки глаз обратились на нас внимание.

— Твою... — прошипел Морис, но было поздно.

— Что это такое?! — взревел кто-то из толпы. Люди шарахнулись, показывая пальцем.

— Тут артефакт магов! — выкрикнул страж.

Толпа взорвалась. Кто-то начал давить к выходу, кто-то, наоборот, ринулся ближе, чтобы разглядеть. Шум поднялся такой, что сам крик инквизитора утонул в нём.

Взгляд других стражников заострился. Толкнув Астраиэля в толпе, кто-то сорвал с него повязку. Люди обратили внимание на его острые уши и побелевшее лицо Люриуса. В этот миг всё рухнуло.

— Лафаэль! Это они совершили покушение! — рявкнул случайный свидетель.

Я попытался оправдаться и из рюкзака вытащил жетон храмовника, крича:

— Мы храмовники! Не заговорщики! Послушайте!

Но всем было наплевать на мои слова.

Куча стражников появилась из ниоткуда. Пылали со всех щелей из каждой подворотни. Расталкивая суматошных жителей, они пробирались к нам. Инквизитор же кричал и показывал пальцем в нашу сторону.

Люриус вскинул руку с кристаллом, выпуская импульс защитного заклинания. Но его движения были рваными, слабость и усталость дали о себе знать. Сфера энергии ударила в щиты стражников, отбросив их на шаг назад, но они тут же сомкнулись снова.

— Уходите! Я прикрою! — сорвался он хрипло.

— Ты себя прикрой, а не нас! — огрызнулся Морис и, не дожидаясь, выхватил меч. Он пошёл в них прямо, с пьяной яростью, словно на ярмарочном бою: двуручный меч рассекал воздух и бил по щитам оставляя искры.

Астраиэль метнулся в сторону, выпуская стрелы. Его движения были холодны, отточены, но и я понимал: слишком много стражи, слишком.

— Фабиан! — крикнул Морис, кинув маленький кинжал в мою сторону — Слева, держи проход!

Я рванулся, едва не упав. Люди толкались, кричали, кто-то ударил меня локтем в висок, мир поплыл. Но я поднял оружие, чувствуя, как пальцы дрожат. Не умел я драться так, как он, и не владел магией. Но я должен был что-то сделать, иначе мы погибнем.

В этот миг я понял: что бы я не кричал или делал, никто не слушает. Решения принимаю не я.

Мы врезались в гущу схватки. Я слышал только лязг металла, крики, запах крови и дыма. Морис орал, словно зверь, прорубая путь, но его оттесняли, сбивали числом. Люриус закричал. Стрела вонзилась ему в руку. Посох вывалился из пальцев, покатился по брусчатке. Следом слетел рюкзак с плеча, и он рванулся за ним, но Морис схватил его за плечо.

— Живым будешь — найдёшь другой! — рявкнул он, поддёргивая его, будто мешок.

— Там мой кристалл! — захрипел Люриус, слёзы ярости блеснули в его глазах. — Это всё, что осталось от отца!

Я хотел крикнуть, что мы найдем кристалл потом, что нельзя останавливаться, но слова застряли в горле. В этот миг стена щитов сомкнулась перед нами.

— Назад! — крикнул Астраиэль, но было поздно.

Стена из щитов окружила нас, копыта выдвинулись вперёд. Толпа ревела. Мы оказались зажаты, как крысы в клетке.

Морис взвыл и бросился грудью вперёд. Его меч опустился, поднялся, снова ударил. Кровь брызнула, крики заглушили всё. Но стражи навалились со всех сторон. Один, второй, третий — и вот уже его оружие выбито, а самого Мориса бьют в живот, сбивая с ног.

Я захлебнулся криком, но тут сапог ударил в грудь. Воздух вышибло, глаза заслезились. Меня скрутили, руки загнули за спину. Я бился, как мог, но холодный металл захлопнулся на запястьях.

В этот миг заметил сферу. Мой «ветерок», наш шанс найти Шантери. Он лежал на земле, едва светясь, словно насмехаясь надо мной. Я рванулся было к нему, но сапог снова врезался в живот. Боль ослепила.

— Не убивать! Они нужны живьем! — раздался грубый голос инквизитора. — Тащите их!

Последнее, что я увидел: Астраиэль исчез под лавиной тел, Морис свалили на колени, а Люриус кричал, дергаясь в руках стражников.

«Учитель Вунд... я не оправдал ваших ожиданий...»

Мир рухнул в темноту.

Глава 2

Океан Душегуба

Проснувшись с первыми лучами солнца, я оглядел комнату — пусто. Так вот кто у нас ранние пташки. Я-то думал, что проснулся первым. Тихо выбрался наружу.

У причала стоял корабль, и я не поверил глазам: белые паруса гордо ловили ветер, золотые тесьмы и вырезанные руны на бортах сверкали в утреннем свете, а нос украшал таран в виде головы барана. Никогда прежде я не видел ничего подобного.

— Фабиан! Не стой истуканом, помоги с поклажей! — окликнул меня Морис.

— Уже иду, — ответил я и, схватив оставшиеся вещи, поспешил на корабль. Доски под ногами пружинили, пахло смолой и солью, канаты тихо поскрипывали.

На палубе сновали матросы, переговариваясь хриплыми голосами, кто-то ругался, кто-то смеялся. Молодой юнга с кудрями, шарахнулся в сторону. Бывший наёмник, видимо, уже успел нагнать на него страху.

В трюме я застал Люриуса и Астраиэля.

Первый устроился с кристаллом, что мерцал у него в руке, второй задумчиво в крошечное окошко. Он стоял практически неподвижно, несмотря на легкую качку.

Каюта оказалась тесной: два двухъярусных гамака, несколько деревянных бочек с непонятным содержимым и мотки верёвок, раскиданные по углам. Пыль висела в воздухе, а сквозь маленькие окошки пробивались косые лучи солнца.

Я напрямик направился к нижнему гамаку у окна, надеясь, что его никто не занял. Хотелось видеть океан, даже сквозь мутное стекло.

Напротив — Люриус, а Морис и Астраиэль без лишних слов заняли верхние койки.

Корабль поднял паруса и рванул прямо в воды океана Душегуба.

Первые дни мы привыкали к качке, тесноте и постоянному скрипу дерева. Всё сливалось в единый, вязкий шум: ругань матросов, скрип тросов, хлопанье парусов. Казалось, сам корабль жил отдельной жизнью — дышал, стонал, как старый безумный моряк.

Морис не упускал случая ворчать: то хлеб черствый, то вино кислое, то матросы «хлипкие, как дохлые котята». Он проверял снасти и узлы, словно капитан доверил именно ему командование. Иногда он шутил, но шутки были такими, что оставляли привкус усталости.

Люриус сидел с книгой или кристаллом, и я часто ловил его взгляд — тяжёлый, будто он спорил не только с текстом, но и с самим собой. Казалось, что кристалл шепчет ему что-то в ответ, а он отмахивается.

Астраиэль большую часть времени проводил на палубе, глядя вдаль. Как будто видел сквозь туман то, чего нам не дано. Иногда он, казалось, не слушает нас, а слушает сам океан.

Однажды вечером, когда мы поднялись подышать воздухом, Морис показывал нам, как правильно вязать морские узлы. Его загрубевшие руки двигались ловко и уверенно, даже в полутьме. Он хмылялся, глядя, как я путаюсь в верёвках.

— С твоими петлями ты и сам себя повесить не сможешь, — буркнул он.

Люриус хмыкнул в кулак.

Я бы и сам хотел сделать лучше, но получалось, как всегда. И разочарованно размотал непонятный клубок.

— Давай лучше начнём с азов, — пробормотал я.

В голове невольно проскочила мысль:

«Как мне найти ребёнка, когда я не могу справиться даже с веревкой?»

Так незаметно пришло время обеда. Поварня встретила нас запахом варёной капусты, прогорклого жира и чего-то неразличимого, но точно не аппетитного.

— Эта баланда хуже болотной жижи, — скривился Морис, брезгливо мешая похлёбку в тарелке.

— Странно. Ты готов есть все, что плохо лежит. А тут видите ли, баланда, — сухо заметил Люриус, уткнувшись в свой кусок хлеба.

Я тоже не с восторгом смотрел на еду. На храмовых островах хоть и кормили пресно, но по сравнению с этим — божественно.

— В хронику это не запишу, — сказал я, пробуя на вкус серую жидкость.

Морис усмехнулся:

— Лучше запиши, что я первый сдох от стряпни, а не от меча.

— Ты не умрёшь, — спокойно сказал Астраиэль. — Но тошнить будет.

— Сплюнь! — ужаснулся Морис, и мы рассмеялись.

Но за смехом пряталось лёгкое напряжение. Никому не хотелось провести вечер, перевалившись за борт.

И тут нас накрыл шторм. Внезапно, с раскатом грома.

Небо раскололось вспышками молний, и каждый удар озарял палубу ослепительным светом, словно сам небесный огонь бил в море. Волны с ревом наваливались на борта, вода заливала палубу, а ветер рвал паруса, будто хотел выдрать их с мачт вместе с деревом.

— Всем наверх! — орал капитан. — Живо, чтоб вас не унесло штормом!

Мы рванули за остальными матросами. В трюме оставаться было невозможно: тьма, грохот бочек, крики — и всё это будто давило на грудь. Лучше погибнуть под небом, чем в темноте, раздавленный грузом.

На палубе царил хаос. Морис сразу вцепился в снасти и вместе с матросами начал тянуть канаты, удерживая парус. Тот трещал, как рваная ткань. Его лицо было залито дождём, но глаза горели — таким живым я его ещё не видел. Он кричал что-то грубое, ободряя людей, и те цеплялись за его силу, будто за якорь.

Люриус прижимал к груди кристалл, светящийся слабым голубым сиянием. Он бормотал заклинания, укрепляя магические руны на мачте и бортах. Его руки дрожали, губы посинели, но он не останавливался.

Астраиэль стоял у борта, полускрытый брызгами и тенью, и глядел в самую тьму. Казалось, молнии выхватывали из мрака очертания волн, а он различал в них нечто большее. Его пальцы держали лук — зачем, я не понимал, ведь стрелы тут были бесполезны. Но в его взгляде была сосредоточенность, которая пугала.

Я же... Я хватался то за мачту, то за борт, лишь бы не улететь за борт. Помощник из меня был, как из шута император. В руках я был бесполезен. Канат только выскальзывал, кристаллов у меня не было, магии — тоже. Но оставаться внизу одному я не мог. Поэтому я стоял рядом, мокрый, дрожащий, и пытался хоть чем-то помочь — передать ведро, поддержать кого-то, закричать «держи!» в самый неподходящий момент.

Гром разрывал небо, корабль содрогался всем телом, и каждый удар молнии казался смертным приговором. Бочки в трюме катались туда-сюда, гремя, дополняя гром. Я слышал, как Морис орёт, перекрывая шторм:

— Тяни! Тяни, чтоб тебя! Или отправимся на корм рыбам!

Люриус стиснул зубы:

— Я стараюсь укрепить руны, но, если он продолжит орать, толку будет меньше, чем от дырявого паруса!

— Хочешь сам тянуть канат — милости прошу! — рявкнул Морис.

Я вцепился в мачту, чтобы не рухнуть, и слова сами сорвались с губ:

— Если мы умрём... хронику кто-то продолжит?

— Да никто твои каракули читать не станет! — хрипло засмеялся Морис, но смех тут же перешёл в кашель.

— Сам живи, и писать будет кому, — резко бросил Люриус. Но в его голосе было не только раздражение — там пряталась усталость и страх.

И тогда Астраиэль заговорил, тихо, почти шёпотом, но так, что его слова перекрыл даже гром:

— Волны... это не просто вода. Там кто-то движется.

Я почувствовал, как холод пробежал по коже. Ветер бил в лицо, дождь хлестал глаза, но в его голосе не было ни страха, ни сомнения.

— Что ещё за «кто-то»?! Это же шторм! — сорвался я.

— Штормы не зовут по имени, — сказал он.

— Если начнёшь свои байки, я брошу тебя за борт сам, — раздражённо бросил Люриус.

— Лучше он, чем я! — огрызнулся Морис, таща канат.

Я тоже хотел крикнуть, что он бредит, но в этот миг палуба качнулась так, что все повалились, и на секунду раздалась тишина. В эту тишину, сквозь гром и вой ветра, пробился низкий, гулкий звук.

Будто сам океан вздохнул.

И затем:

— Шантери...

Слово прокатилось по палубе, вошло в кости, прожгло мою голову. Звук был не человеческий — слишком глубокий, словно он рождался не из горла, а из самой бездны. У меня подкосились ноги, я чуть не свалился за борт.

«Не может быть...»

Мы сидели в своей тесной каюте, как в гробу, и ждали, когда шторм окончательно утихнет. Вода капала с потолка тонкими струйками, пол был мокрый и липкий, а доски стонали, как старик в лихорадке.

— Ну, если нас ещё раз так покрутит, я сам прыгну в воду и голыми руками остановлю эти волны, — проворчал Морис. Его волосы слиплись, лицо блестело от влаги, а глаза горели злым, но уставшим огнём.

— Не прыгай. Волны тебе будут не рады, — пробормотал Люриус, проводя ладонью по кристаллу. Тот засиял мягким светом, и через мгновение его одежда стала сухой. Подумав секунду, он махнул посохом — наши накидки тоже подсохли.

Я сидел на полу, держа на коленях дневник. Чернила расплылись по краям страниц, буквы в хронике слились в кляксы. Благо записи сохранились. Я бережно перелистывал, проверяя, что можно спасти.

«Шторм выдержали. Чудом. Но, мне же не показалось? Кто-то произнёс: «Шантери». Если я буду спрашивать, то остальные могут догадаться, что я от них что-то скрываю».

Я поправил на плечах тонкое холщовое одеяло, предусмотрительно оставленное командой. Усталость давила сильнее качки. Мысли путались. Этот шторм забрал мои силы, как незакрепленные бочки на палубе.

Астраиэль сидел у стены, спокойный, как будто всё происходило не с нами, а где-то в другой реальности. Его волосы подсохли быстрее всех, несмотря на длину — будто сама вода скатывалась с него.

Когда океан, наконец, успокоился и волны стихли, мы тоже выдохнули. Это испытание мы прошли. Пусть и с трудом.

Люриус сидел мрачный, теребил в руках свой кристалл. Синий свет то вспыхивал, то гас, отбрасывая на его лицо резкие тени.

Морис вернулся с палубы понурый. Похоже, корабельная баланда только дошла до него.

— Чёртова качка, — прошипел он, разваливаясь прямо на полу. — Если ещё раз блевану, то окончательно отдам океану не только ужин, но и обед.

Люриус лениво постукивал пальцами по посоху.

— Океан точно оценит двухразовое питание.

С сочувствием смотря на зелёное лицо товарища, я решил его немного подбодрить:

— Я запишу в историю: «герой Морис победил не шторм, а собственный желудок!»

Морис ухмыльнулся сквозь усталость:

— Пережил? Ещё бы немного — и шторм пережил бы меня.

Астраиэль метко кинул ему небольшой мешочек.

— Пожуй. Поможет.

Морис поймал и благодарно махнул головой.

— О, спасибо, ушастый! Хоть ты не зубоскалишь, в отличие от кое-кого.

— Океан всегда берёт то, что хочет, — спокойно ответил Астраиэль. — Хорошо, если ему хватит твоего ужина.

Лицо Мориса стало кислым.

Я отвлёк взгляд, но внутри сжалось. Страх, что я испытал во время шторма, ещё сидел в груди. Но, когда он утих, в голове все равно еще бушевал шторм.

«Если я расскажу — то всё испорчу. А если промолчу — всё будет так, как задумал Совет. Я же правильно поступаю?..»

Сон не приходил. Я ворочался, пока не решился глотнуть травяного снадобья, которое дал Астраиэль. Горечь обожгла язык, вскоре веки потяжелели, но покоя оно не принесло.

Я резко открыл глаза, вырванный из кошмара. Грудь ходила ходуном, постель подо мной промокла от пота. Будто меня настигла лихорадка.

— Мариэль... Шантери... Долина Эдо, — прошептал я, сжимая кулаки. Видения терзали даже во сне.

В полумраке я заметил Люриуса. Он не спал. В его руках всё так же мерцал кристалл, освещая бледное лицо.

— Люриус, — позвал я шёпотом. — Ты тоже не можешь уснуть?

Он поднял взгляд. В его зрачках вспыхнул синий огонь.

— Я был на Большой земле только ребёнком, — сказал он тихо, словно признание само вырвалось.

— Ты переживаешь из-за воспоминаний? — осторожно спросил я.

Он покачал головой.

— Не совсем. Я многое начал забывать. Лица стёрлись. Даже магия не помогает. — Он говорил, будто сам с собой.

Потом вдруг посмотрел прямо на меня:

— Скажи, Фабиан, — голос стал неожиданно прямым, — как ты согласился на это путешествие? Ты столько лет просидел на Храмовых островах, а тут пошёл сразу.

Я сглотнул.

— Я же говорил. Это всё наказание за разбитый шар. Меня даже не спрашивали. Но в этом есть и хорошее. Вунд рассказывал, что в гильдиях есть книги, которых у нас нет. Особенно о пантеоне богов. Я... умираю от любопытства.

Люриус усмехнулся едва заметно:

— Дотошный. Прямо как мой отец.

— Он тоже был летописцем?

Улыбка исчезла.

— Нет. Он был магом. Как и я.

Я замер. Был.

Люриус провёл пальцами по кристаллу.

— Этот камень... всё, что осталось от него. Инквизиция казнила отца у меня на глазах. Для них маг, который не вступил в ряды империи — угроза. А он... отказался служить. Не захотел использовать силу против людей. Глупец! — он выдохнул. — Сейчас мог бы жить.

— Мне жаль... — прошептал я, чувствуя, как сжалось внутри.

Он резко посмотрел на меня. Взгляд стал тяжёлым.

— Забудь, что я сказал. Это не твоё дело.

Тишина повисла, плотная, как туман. В каюте слышался только лёгкий шум волн.

Мне показалось, что именно сейчас я должен рассказать Люриусу о пророчестве. Откровение должно было усилить связь между нами.

— Люриус... — начал я осторожно. Ты поделился со мной. И... я тоже должен. Так поступают друзья.

Он приподнял бровь, вопросительно глядя на меня.

Слова уже рвались наружу: про Совет, про Шантери, про то, зачем я на самом деле здесь. На языке вертелось признание, и внутри вспыхнула надежда — если я скажу, станет легче.

Но в ту же секунду что-то невидимое сжало горло. Приказ Совета — как кандалы. Я будто услышал холодный голос: *«Никто не должен знать»*.

Грудь сдавило, дыхание стало рваным. Я отвёл взгляд.

— Я хотел сказать... — выдохнул я и сжал кулаки так, что ногти впились в ладонь. — Нет, ничего. Глупости. Усталость говорит.

Тайна давила сильнее шторма, вдавливала меня в подушку. Я не мог. Я всё ещё был пленником секрета — немой хранителем того, чего не смел произнести.

Сверху зашуршала ткань. Астриэль высунул голову со второго яруса гамака:

— Инквизиция совершила ошибку, Люриус. Но не вся власть — зло. И не каждый маг — жертва.

Люриус громко фыркнул, но промолчал.

С другого конца Морис натянул одеяло на голову и пробурчал:

— Да что б вас! Инквизиция, Империя... Дайте человеку поспать. Завтра языками чешите.

Он так и не встал с пола. Я невольно усмехнулся. В его простоте было что-то отрезвляющее. Люриус, наконец, улёгся. Кристалл остался в ладони — тусклый, но живой свет его боли.

Я отвернулся к стене, чувствуя себя трусом.

— Доброй ночи.

Свет кристалла погас. Я остался в темноте, слушая гул крови в ушах и тихие волны за бортом. Тайна горела внутри, но приказ стоял над всем — крепче воли, сильнее дружбы.

На это раз я первым поднялся с кровати. Пару часов сна, но спать почему-то не хотелось. В каюте стояла тишина: ровное дыхание моих спутников сливалось с глухим гулом корабля. Я осторожно выбрался наружу, стараясь не скрипнуть половицей.

На палубе меня ослепило солнце. Горизонт был чистым, океан уходил в бесконечность, гогот чаек где-то высоко. Солёный ветер бодро бил по лицу. Я замер, вдыхая полной грудью. На Храмовых островах океан всегда скрыт туманом, а тут открывался поистине прекрасный вид. Бескрайнее величие, полная свобода от всего. В эти минуты, мне казалось, что я по-настоящему свободен.

— После каждого шторма всегда наступает штиль — пробормотал я себе под нос, не то в раздумье, не то в утешение.

Я ещё немного прошёлся вдоль борта, прислушиваясь к скрипу канатов и гулу волн. Потом вернулся в каюту.

Там уже царила жизнь: Морис сидел, жуя хлеб и вяленое мясо. Судя по виду, это были не наши запасы — с камбуза, похоже, что-то умыкнул. Увидев меня, он крикнул с набитым ртом и чуть не поперхнулся:

— Фабиан! Мы тебя не дождались.

Я остановился у двери.

— Ничего, я не особенно голоден.

— Да брось ты, — он махнул рукой, и бутылка с водой качнулась, ударившись о стол. — Садись, мы и тебе взяли.

Я опустился на лавку. Мясо было вкусным, однако хлеб был сухой. Но сама забота спутников делала его вкуснее.

После еды каждый занялся своими делами. Я устроился у окна с книгой, но мысли снова и снова возвращались к шару — маленькой версии Ветряного Ока. Его лично вручил мне Вунд ещё в годы учёбы.

«Сначала попробуй через это, — сказал он тогда. — Когда будешь готов, дам взглянуть в само Око Ветра».

Тогда моему счастью не было предела. Знания, что открывались передо мной, казались особенными. Ни с чем нельзя было сравнить.

Я провёл ладонью по его гладкой поверхности, словно по льду. Иногда я называл его «Ветерком» — глупое прозвище, но оно как-то прилипло. На миг мне показалось, что глубоко внутри мелькнула тень — крохотная фигура ребёнка.

Сердце кольнуло. Я резко отдернул руку.

Нет. Не сейчас.

Я раскрыл старые легенды, вдыхая сухой запах пергамента. Углубился в строки, надеясь, что те вытеснят тревогу. Но руки так и тянулись к шару.

Люриус сидел неподалёку, держа в ладонях кристалл. Его пальцы сжимали его так крепко, что костяшки побелели. Синие отблески играли на его лице, подчёркивая жёсткость взгляда.

— Опять смотришь на него? — осторожно спросил я, отвлекаясь от книги.

Он поднял глаза.

— Это не просто кристалл. Сил моего отца боялась вся инквизиция.

Я кивнул, не зная, что сказать. В его голосе не было жалобы — только холодная решимость.

Морис выдерживал тишины. Ножи один за другим звенели в его руках.

— Хоть бы нам разбойники подвернулись, — проворчал он. — Размялся бы. А то сидим тут, как тот старик на острове.

— Помолчи хоть раз, — резко бросил Люриус, не поднимая головы.

— Ага, чтоб вы тут совсем сгнили от скуки? — Морис ухмыльнулся. — Один читает, другой на камень таращится, третий в картах что-то ищет. Один я – живой человек.

Корабль качнуло, и ножи на его койке со звоном ударились друг об друга.

— Именно поэтому ты нам нужен, — спокойно сказал Астриэль, не отрывая взгляда о карты. — Чтобы напоминать: мир всё ещё существует.

Морис чуть смутился, но отмахнулся:

— Ладно. Только не начинай свои мудрости.

Астриэль провёл пальцем по линии берега:

— Если ветер не переменится, то прибудем раньше. Но побережье скалистое, портов мало. Это будет испытанием.

— Значит, путь труднее, — вырвалось у меня.

— Иногда трудный путь — единственный, — усмехнулся он.

Морис фыркнул и бросил точильный камень на стол.

— Да что вы всё о судьбе! Скал боитесь? Я один и не через такое проходил. Главное — не трусить.

Люриус поднял взгляд.

— Иногда умнее обойти, чем лбом прошибать.

Тот недовольно хмыкнул, но промолчал.

Астриэль тихо вздохнул:

— Как всегда.

Пару мгновений царила тишина. Потом Морис снова не выдержал:

— Слышали, что говорят про императора? Вроде как он уже и не правит толком. Заперся в Золотом крыле и никого не принимает. Всё решает Совет. Или инквизитор.

— Болтовня, — скептически заметил Люриус.

— Болтовня-болтовня, — Морис ухмыльнулся. Но на корабле только об этом и судачили. — Мол, с башкой что-то не то.

Астриэль поднял глаза от карты.

— Я тоже кое-что слышал. Что в Атриуме налоги растут, а жизнь простых людей тяжелеет. Торговцы жалуются: прибыль уходит, всё забирают в казну. В некоторых городах происходит беспредел. Стража всё чаще совершает самосуд.

Я нахмурился.

— Выходит, недовольство копится?

— Копится, — кивнул он. — И чем дольше тянется, тем сильнее вспыхнет.

Морис усмехнулся, но в его голосе прозвучала серьёзность:

— А значит, на улицу выползут воры и убийцы. Каждый захочет урвать себе кусок. В порту держите кошель ближе к телу.

Я посмотрел на Астриэля. А ведь он сильно пострадал от одной такой шайки разбойников. Про его прошлое я знал больше, чем про других. Его нашли ребёнком, в клетке среди лафаэлей и звероловов, которых везли на продажу. Лафаэлька со стрелой в спине прикрывала его собой. На его повязке было вышито имя. Вунд тогда сказал: «Чудо, что он выжил». Я тоже так считал. Но сохранились ли в нём воспоминания? Не знал.

Астриэль поймал мой взгляд и улыбнулся — спокойно, тепло. Будто видел во мне больше, чем хотел показать. Я отвёл взгляд. Иногда, казалось, он смотрит прямо в душу.

Морис в это время закончил точить ножи и принялся за меч. Скрежет металла нервно отдавался в ушах. Люриус всё сидел с книгой, но взгляд его давно скользил по строкам пусто, будто читал лишь для того, чтобы не слушать нас.

Я снова окинул взглядом товарищей. Если объединить силы, наш путь не будет безнадежным. Но хватит ли у меня опыта, чтобы вести их вслепую? В этом я сомневался. Поэтому

я просто отмечал их привычки и слабости, словно составлял летопись, которую никто никогда не прочтёт.

Так тянулись дни. Полторы недели слились в одну. Но я чувствовал — мы меняемся. Невидимое готовило нас к будущему.

Вдруг дверь скрипнула. Помощник капитана хрипло бросил:

— Скоро подходим к порту Ларсоль. Готовьтесь.

Не дожидаясь ответа, он ушёл. Мы переглянулись — и начали собираться.